

ЭСЕР-ТЕРРОРИСТ С.В. БАЛМАШЕВ НА СЛЕДСТВИИ И СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируется поведение эсера-террориста после покушения, во время следствия, судебного процесса. Автор приходит к выводу, что террорист легко поддавался внушению, был склонен к экзатичности и суицидальности.

Ключевые слова: террор, покушение, Боевая организация, судебный процесс, героизация, суицидальность.

Рассказы отечественных историков о покушениях террористов более всего похожи на жития и святцы, а процессы уподобляются противостоянию рыцарей без страха и упрека и ничтожных слуг царизма [1; 2; 3; 4].

В час дня пять минут 2 апреля 1902 г. 20-летний студент С.Н. Балмашев, одетый в форму поручика-адъютанта, в холле здания комитета министров в Мариинском дворце двумя выстрелами в упор смертельно ранил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Швейцар, отставной унтер-офицер Г.М. Лукьянов, схватил террориста за правую руку. Раздалось еще два выстрела, одним из которых был ранен сопровождавший министра офицер Бобров [5, л.15, 96, 101; 6, т. 1, л. 46, 65–66; 7, с. 32–33]. Инициатор покушения, Г.А. Гершуни, убедившись, что задуманное свершилось, покинул наблюдательный пост на площади у здания комитета министров. Так было положено начало эсеровского террора.

С.В. Балмашев был отрешен, просил Г.М. Лукьянова не держать его, говоря, что уже не уйдет: «Я сделал все, что мне было нужно». Навязчивая идея не давала ему покоя: сказал ли он после выстрелов: «Так поступают с врагами народа», или: «С такими людьми так и нужно поступать». Лукьянов отвечал, что он «в то время был так взволнован, что этого не помнит», а сторож канцелярии комитета министров Федоров сказал, что Балмашев произнес: «С такими людьми так и поступают» [5, л. 13, 97; 6, т. 1, л. 82; 7, с. 46]. На революционеров, по словам видного эсера В.М. Зензинова, «произвело глубочайшее впечатление» то, что террорист не попытался спастись, «принес в жертву и самого себя», «умер героем», «показал на деле, на что способен революционер-идеалист, отдающий свою жизнь во имя общего блага». За это они «чтили Балмашева» [8, с. 62].

На первом допросе, который состоялся 2 апреля 1902 г., С.В. Балмашев заявил, что министра внутренних дел Д.С. Сипягина он убил преднамеренно, а «его лакея», Боброва, случайно, «оттого, что швейцар дернул меня за руку», и отказался давать показания и подписывать протокол. На следующий же день объявил, что «желает дать некоторые объяснения». «Вся моя предыдущая деятельность, — сказал он, — привела меня к убеждению, что при тех репрессиях, которыми пользуется русское правительство в борьбе с революционерами, мирная социалистическая работа невозможна, вследствие чего я вынужден был вступить на путь политичес-

* © Леонов М.И., 2012

Леонов Михаил Иванович (mleonov40@gmail.com), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

кого террора. Террористический способ борьбы я считаю бесчеловечным и жестоким, но единственно, к сожалению, возможным при современном самодержавном режиме. Насилие и произвол, широко практиковавшиеся политикой министра внутренних дел Сипягина, заставили меня остановить свой выбор на нем». Отвечать на вопросы и подписывать протокол, в котором в конце стояла фраза «записанный с моих слов и под мою диктовку», Балмашев отказался [5, л. 6; 6, т. 1, л. 18, 156].

Судебное заседание Санкт-Петербургского военно-окружного суда по делу об убийстве министра внутренних дел шефа жандармов егермейстера Дмитрия Степановича Сипягина Степаном Валерьяновичем Балмашевым началось 26 апреля 1902 г. в 11.00. Председательствовал генерал-лейтенант барон Н.Д. Остен-Сакен, обвинение поддерживал прокурор генерал-лейтенант В.П. Павлов, защищал обвиняемого известный присяжный поверенный В.О. Люстиг. Вести защиту предлагали и другому светилу либеральной адвокатуры Н.П. Карабчевскому, но тот, за занятостью, отказался. От родителей С.В. Балмашев денежной помощи не получал. Отец, В.А. Балмашев, запойный пьяница, 10 февраля 1899 г. высланный из Саратова в г. Котельнич Вятской губернии, постоянной работы не имел. Жили родители на заработок матери, М.Н. Балмашевой, акушерки. С.В. Балмашев получал «Колычевскую стипендию» Саратовского дворянского собрания в размере 250 рублей в год. Стипендия выдавалась дважды в год по 125 руб. В последний раз ему выдали полугодовую стипендию 22 января 1902 г. [5, л.75; 6, т. 2, л.153]. Оплатить услуги светил адвокатуры С.В. Балмашев не мог. Да и необходимости не было. Именитые присяжные поверенные едва не в очередь выстраивались с предложением услуг «из чести», о чем и Н.П. Карабчевский, и М.Н. Манделыштам, и В.А. Маклаков, и другие с удовлетворением вспоминали.

В ночь с 3 на 4 апреля врачи, освидетельствовав Балмашева, признали его здоровье удовлетворительным. Но через несколько дней температура у него поднялась до 38–39°. Несмотря на болезненное состояние, во время суда он был спокоен, вставал и садился сам, держался с большим достоинством, на процессуальные вопросы отвечал односложно, не искал облегчающих вину обстоятельств, повторил сказанное им во время следствия [5, л. 53; 6, т. 1, л. 121, 281]. Суд приговорил его к высшей мере наказания: смертной казни через повешение. Подавать прошение о помиловании осужденный отказался, но подал кассационную жалобу, которую Главный военный суд на заседании 29 апреля 1902 г. «оставил без последствий» [6, т. 3, л. 69]. Прошение о помиловании подавала М.Н. Балмашева. Революционные издания в характерной для Г.А. Гершуни стилистической манере сообщали, что Николай II обещал помиловать С.В. Балмашева, если тот сам подаст прошение; председатель комитета министров И.Н. Дурново тотчас же направился к Балмашеву «и просил, но совершенно безуспешно, подать прошение о помиловании» [9, № 9, с. 6].

На следствии, в письме к родителям, в суде С.В. Балмашев ни словом не обмолвился ни о партии эсеров, ни о Боевой организации. Многие годы эсеров, самых видных в том числе, волновал вопрос: почему Балмашев не признал себя ни эсером, ни членом Боевой организации? Те, кто мог ответить, отмалчивались. Эти обстоятельства привели к «расколу в нигилистах». Социал-демократы едва ли не в каждом номере «Искры» яростно и, надо признать, порой с фактами в руках доказывали, что С.В. Балмашев совершил покушение как студент, а никому не ведомая до того Боевая организация приписала это покушение на свой счет. Эсеры, главным образом Г.А. Гершуни, раздраженно и безуспешно пытались уверить, что Балмашев действовал как эсер и член Боевой организации партии социалис-

тов-революционеров. Утверждение Н.А. Троицкого: «Эсеры привлекли бесспорные доказательства, включая признания самого Балмашева, его принадлежности к Боевой организации эсеров» — неосновательно [3, с. 375].

Через несколько лет после рассматриваемых событий влиятельный эсер, бывший народоволец Я.Л. Юделевский на заседании судебно-следственной комиссии по делу Азефа вопрошал: «Зачем понадобилось, чтобы Балмашев на суде говорил, что он делает это от своего имени? Конечно, объясняли это так, что тогда еще не появилось общественное мнение, что еще не знали, какой эффект произведет это дело на общественное мнение». Член судебно-следственной комиссии В.В. Лункевич счел нужным поделиться знаниями: «Я слышал от Гершуни, что было так, что если акт будет удачным, то он [С.В. Балмашев. — *М.Л.*] скажет, что действовал от имени партии, а если неудачный, то заявит, что это его частное дело». Эмоциональный Я.Л. Юделевский не остановился: «Я спрашивал Чернова, как объяснить такую ужасную вещь? Он говорил, что «мы не знаем, мало ли что пишут о том, что он там говорил» [10, л. 44].

Со второй половины марта 1902 г. Г.А. Гершуни не спускал с С.В. Балмашева глаз, был рядом, когда тот писал «Письмо Степана Балмашева родителям», вместе с М.М. Мельниковым и, вероятно, П.П. Крафтом до покушения в марте 1902 г. составил прокламацию (вышла в Пензенской типографии, помечена 3 апреля), написал сам прокламацию, вышедшую в Петербурге 3 апреля, составил воззвание «Казнь министра», а затем прокламацию «По делам вашим воздастся вам. Они этого хотели и они этого дождались ...» (издана Пензенской типографией во второй половине апреля 1902 г., помечена 3 апреля) [6, т. 1, л. 5, 252; 6, т. 2, л. 6, 54–76; 9, № 7, с. 22; 11, с. 304]. Во всех этих материалах прямо не указывается, что покушение было совершено членом Боевой организации партии социалистов-революционеров по ее постановлению (приговору). Даже в прокламации «По делам вашим воздастся вам» лишь раз упоминается «мы, социалисты-революционеры»; а о террористе написано: «Отчаянно смелый и блестяще выполненный акт революционера Степана Валериановича Балмашева». Желание устроителей Боевой организации Г.А. Гершуни, М.М. Мельникова и П.П. Крафта, связать покушение Балмашева, партию эсеров и Боевую организацию, несомненно и документально подтверждено. Убеждали ли они С.В. Балмашева недвусмысленно презентовать себя эсером, членом Боевой организации, выполнявшим ее «приговор»? Свидетельств на этот счет ни один из триумвиров, как и ни один из лидеров партии не оставили. Ясно одно: по этому вопросу террорист имел собственное мнение.

С.В. Балмашев, по отзывам тех, кто его хорошо знал, был веселого характера, без определенных убеждений, склонен и к неординарным поступкам, легко подчинялся чужому влиянию [5, л. 75]. Симптоматично наблюдение органов розыска: в написанной за несколько месяцев до покушения рукописи С.В. Балмашев «высказывал полное несочувствие революционной деятельности» [12, с. 14]. Свойственные ему суицидальные симптомы обострились с зимы 1902 г., и он неоднократно повторял: «Устал... надоело жить» [13, № 34, с. 8–9].

Для совершения казни из Кутаисской тюрьмы этапировали арестанта А. Филиппова. От исповеди и причастия С.В. Балмашев отказался. По словам священника Петрова, сопровождавшего Балмашева в последний путь, на уговоры подать прошение тот отвечал, что «он должен идти на казнь, иначе подача прошения поселит раздор в партии; одни будут обвинять его, другие защищать — и много сил потратят на такое ничтожное дело, смерть же его объединит всех» [14, 27 мая]. 3 мая 1902 г. в 4 часа утра С.В. Балмашев был повешен во дворе Шлиссельбургской крепости [6, т. 3, л. 27–30].

Отечественные историки по сей день именуют убийцу «чутким и ранимым, очень добрым», «прекрасным исполнителем», «который бескорыстно отдал жизнь во имя революции», «своим поведением закрепил в общественном сознании образ героя-террориста», «во время процесса вел себя героически»; его жертву – «“Дикой свиньей”, которую оплакивали “немногие рептилии”»; председательствующего на суде Н.Д. Остен-Сакена и прокурора В.П. Павлова – «церберами самодержавия» и «палачами» [3, с. 373–375; 4, с. 39, 42–43].

Библиографический список

1. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978.
2. Троицкий Н.А. Царизм перед судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.
3. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.
4. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
5. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1902. Д. 735.
6. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902. Д. 322. Т. 1–3.
7. Карпович и Балмашев перед судом. Берлин [1902].
8. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
9. Революционная Россия. Женева. 1902.
10. ГАРФ. Ф.1699. Оп. 1. Д.127.
11. Показания В.М. Чернова по делу Азефу // Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 100.
12. Обзор важнейших дознаний производившихся в жандармских управлениях Империи за 1902 г. Ростов н/Д., 1906.
13. Искра. Мюнхен. 1903.
14. Русское слово. СПб., 1907.

*M.I. Leonov**

SOCIALIST REVOLUTIONARY – TERRORIST S. BALMASHEV AT THE INVESTIGATION AND TRIAL

In the article the behavior of the SR-terrorist suicide after the attempt, during the investigation, and judicial process is analyzed. The author concludes that the terrorist was easily suggestible, was inclined to ecstasism and suicidality.

Key words: terror, assassination attempt, Combat Organization, judicial process, glorification, suicidality.

* *Leonov Mikhail Ivanovich* (mleonov40@gmail.com), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.